Д. Амбершел

ЖИТЬ ИЗ ОСНОВЫ БЫТИЯ

ГАНГА

Джей Амбершел

Жить из основы Бытия

«ИД Ганга»
2011

Амбершел Д.

Жить из основы Бытия / Д. Амбершел — «ИД Ганга», 2011

ISBN 978-5-98882-129-8

Автор этой книги осужден на пожизненное заключение, но сам он видит это иначе: не он находится в тюрьме, а тюрьма в нем – и что по сути он свободен. Эта книга об этом непосредственном ви́дении, открывшемся ему в тюрьме, и о подлинной человечности. Безыскусное, но выстраданное повествование человека, созревшего для того, чтобы свободе предпочесть Свободу. В приложении приводятся упражнения, помогающие отрыть это ви́дение в себе.

ISBN 978-5-98882-129-8

© Амбершел Д., 2011
© ИД Ганга, 2011

Содержание

Предисловие 5
Путь Хардинга 7
Никого нет дома 11
Свет Того, что есть Я 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Джей Амбершел
Жить из Основы Бытия
Свет того, что есть я

В память о Дугласе Эдисоне Хардинге (1909–2007)

Взгляни! Уникальная традиция,
Запредельная всем учениям.
Никакой зависимости от слов.
Только прямое указание вовнутрь
На природную мудрость!
Бодхидхарма

Предисловие

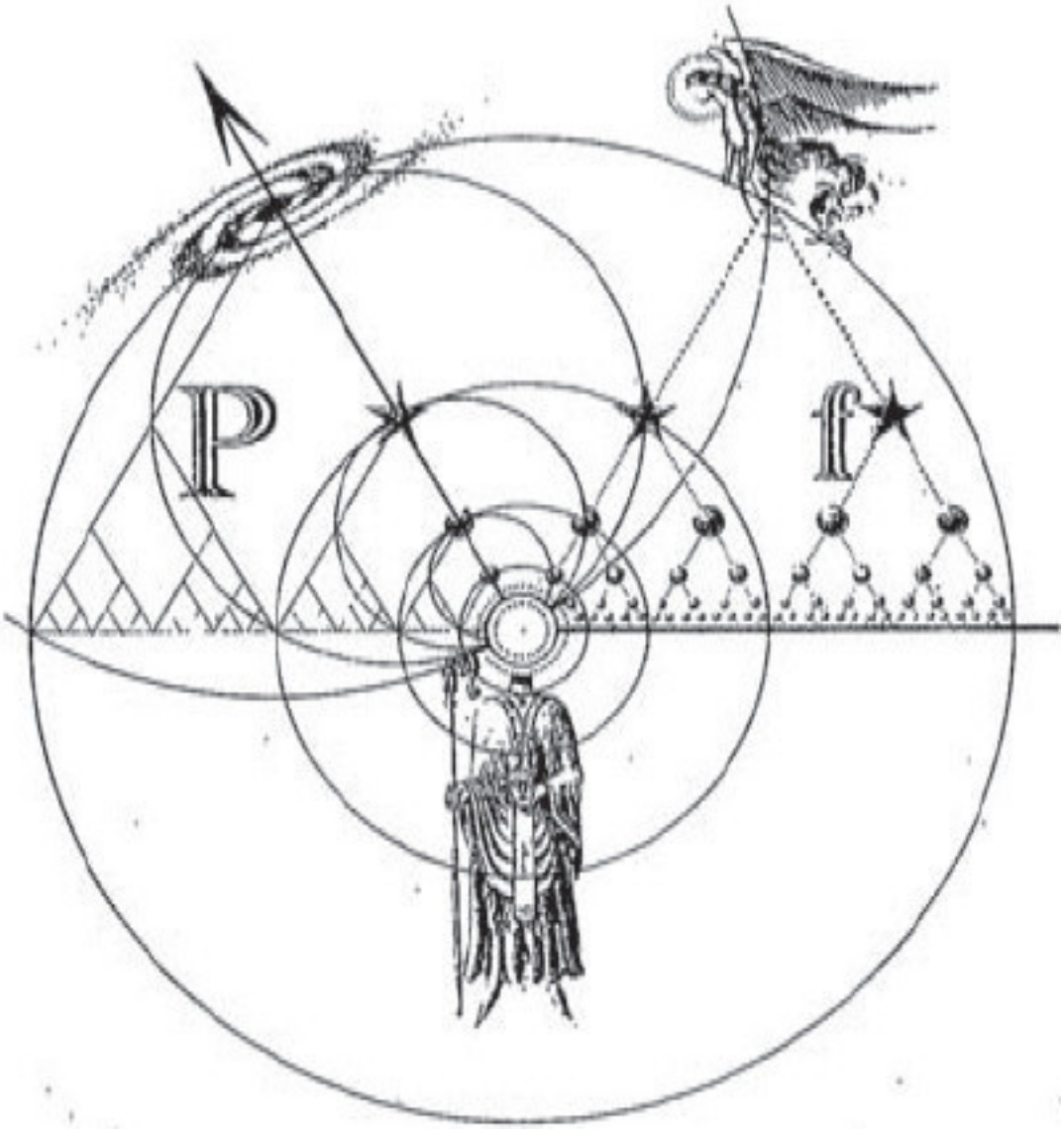

Рисунок Дугласа Эдисона Хардинга

Эта книга – собрание заметок, основанных на воззрениях английского философа и духовного учителя Дугласа Эдисона Хардинга. Безголовый Путь Хардинга – это простой, современный, западный подход к тому, что лежит в сердце всех великих религий; не отрицающий другие подходы, но включающий их все и отчетливо освещающий Основу Бытия в нашей общей сердцевине. Основная тема этой книги – вопрос «Кто ты?», и в ней утверждается, что ты – вовсе не то, чем себя считаешь, не то, чем являешься по мнению других, не то, чем им кажешься. «Посмотри сам» – таково предложение (и название одной из книг Хардинга), так как ответ на этот вопрос можно найти не в концептуализации, а лишь в непредвзятом *смотрении.* То, что обнаружится при этом, может тебя поразить. Это действительно ошеломляет, и вместе с тем парадоксальным образом все видится вполне обыкновенным. И, как результат, приходит осознание того, что Ты, нерождающийся и неумирающий, всегда был Тем, что ты есть.

В 1960-х и 1970-х гг. Хардинг разработал несколько упражнений, чтобы обратить наше внимание на это исходное поле видения. Эти упражнения, или эксперименты, невероятно эффективны. Однако их нужно выполнять, а не просто читать о них, иначе очень мало что в этой книге станет понятным. Наша истинная природа – это не что-то, что нужно понять; скорее, она то, что внезапно открывается, обнажается, вновь обнаруживается – а смысл ее становится понятен со временем. К экспериментам, описанным в тексте, можно вновь обратиться в приложении.

Главы этой книги были написаны как отдельные заметки, читать их можно в любом порядке. Ввиду того что все они самодостаточные, темы иногда повторяются – так же, как и эксперименты. Но поскольку переживание Единства безвременно – а точнее, запредельно времени, – вы, как и я, каждый раз возвращаясь к светящемуся осознаванию вашей сердцевины, можете обнаружить, что это воистину происходит впервые.

Такие термины, как *Ничто-Все, Пустота-Наполненность, Осознание, Бог, Единство, Я, Вместимость; Тот, Кто Ты на самом деле, Первое-Лицо-Единственное число* и т. п., постоянно используются в этой книге и взаимозаменяемы. Они указывают на *Это,* на невыразимую Тайну, которая является нашей Основой, на Тайну, которую нельзя выразить словами, но которая, тем не менее, может быть *увидена.* Я надеюсь, что эта книга сможет указать на путь – Безголовый Путь, – ведущий к *Видению* Того, Что Ты Есть на самом деле (и, таким образом, к пребыванию *Этим).*

Автор заметок Д. Амбершел по сей день находится в тюрьме – однако сам он видит это иначе. Он видит, что это тюрьма находится в Нем – и что по сути Он свободен.

Вам не нужно ждать Свободы. Она доступна прямо сейчас. Все, что нужно, – обращать внимание *туда,* откуда вы смотрите. Это так же просто, как видеть. Если вы не понимаете, что я имею в виду, прочтите эту книгу! Каждая ее страница указывает путь к Свободе, которая находится в сердце вашей жизни.

Свобода приходит из *видения* источника, которым мы и являемся. В книге «Жить из Основы Бытия» Амбершел прямо и доходчиво указывает на источник всего, на источник, который ближе к каждому из нас, чем наше собственное дыхание.

Я знаком с Амбершелом и глубоко его уважаю. История нашей встречи и есть эпилог этой книги. Однако по сути эта книга не об Амбершеле (он сам бы на этом настоял), а о том, Кем он является на самом деле – и именно этим на самом деле являемся все мы.

Надеюсь, что книга вдохновит вас на то, чтобы посмотреть на себя свежим взглядом – в буквальном смысле *посмотреть* на себя, а не подумать о себе, – в результате чего вы обнаружите самое прекрасное на свете: Вы – вовсе не вещь, Вы – Источник, Вы – Основа Бытия.

Ричард Ланг

Путь Хардинга

Все мои прежние идеи относительно того, как все действует в этом мире, не далеко меня увели, учитывая, что больше двадцати лет я провел в тюрьме. Большинство своих взглядов я унаследовал от своего отца и от Джона Уэйна, и все, что не представлялось суперкрутым или суперклевым, казалось мне совершенно постыдным. В действительности, я почти всегда ощущал некую неловкость, что не в силах соответствовать тем нелепым стандартам, которые безоговорочно принял, – стандартам, которым не мог бы соответствовать ни я, ни кто-либо другой: как я должен себя вести; как другие должны ко мне относиться, как они должны вести себя в моем присутствии; как должны проходить дни, месяцы и годы в соответствии с моими желаниями.

В своем окружения я стал ходячим образцом для всех страдающих манией контролирования. И, как все одержимые контролированием люди, за личиной непоколебимой силы прятало ощущение пустоты и гиблости. Я постоянно вел войну между тем, кем, по моему мнению, мне нужно быть, и тем, кем я являюсь. Словно одурманенный я разрушал себя вновь и вновь, утаскивая за собой и других.

А однажды, много лет тому назад, когда я уже долгое время отбывал свой срок, я увидел по каналу PBS интервью Билла Мойерса с Джозефом Кэмпбеллом и решил попробовать медитировать. Сначала было трудно – из-за скопления людей, шума и тюремного режима, но вскоре обнаружилось, что во время медитации у меня было значительно меньше ожиданий относительно себя и других людей, как будто вовсе не было никаких других. Обнаружилось место, где не было ни стандартов, ни смущения, – убежище, где больше не было нужды насаждать свою неверно направленную волю. И, за исключением тех редких «проблесков», когда я был на наркоте, и редких моментов смертельной опасности, случавшихся во время моей долгой преступной карьеры, это был первый случай, когда я по-настоящему *себя* заметил; заметил то голое внимание *«я есть»* в центре моего осознания, которое, как сейчас стало очевидно, всегда там было.

С тех пор загадка превратилась в вопрос: как это «я» появилось, и откуда оно появляется до сих пор? Прежний образ мышления, согласно которому я – отдельное сознание в отдельном уме и теле, был слишком болезненным, чтобы вернуться к нему. И хотя так меня учили – ведь это был привычный образ мышления моего отца и всех остальных, на которых я равнялся, – то был путь ограничения, конфронтации и бесконечного самоистязания. Должно было быть что-то другое.

Поиск этого привел к шести годам одержимого чтения. Я хотел исследовать невысказанное интуитивное чувство, которое у меня появилось в шестидесятых, когда я принимал ЛСД; то самое, которое тогда выражалось в форме страха, и то, которое вернулось во время интервью Кэмпбелла: чувство того, что в корне всех основных религий лежит одна и та же основная идея, такая ясная, что для ее осознания не требовались слова. Уже тогда я подозревал, что мое восприятие мира и мое так называемое место в нем были иллюзорны, что реальность была вовсе не тем, что я о ней думал, как, впрочем, и все остальные. Похоже, человечество разыграли – или это Вселенная разыграла сама себя. Стало вдруг ясно, что моя прежняя жизнь была борьбой против обнаружения этого знания и что я держался за ложь, которую мне всучили, и набрасывался на всех, только бы избежать истины.

Я читал буддийские тексты, читал Гурджиева и Успенского, читал все, что мог найти о христианских мистиках. Проглотив Хафиза и Руми, я набросился на труды великих индийских мудрецов. Открыл для себя Вэй У Вэя. Затем вновь вернулся к буддизму и там уже окопался надолго. Я был твердо намерен разобраться в этой тайне, в самой сути вопроса.

А затем как-то раз я прочитал статью Дугласа Хардинга о его так называемой «безголовости», и что-то внутри меня перевернулось. Видеть То, кто мы такие, говорил Хардинг, – элементарно просто, так легко, что мы даже не обращаем на это внимания, но, не видя этого, мы воздвигаем философские и религиозные структуры грандиозных масштабов, тем самым еще больше это скрывая. А оно все время находится прямо *Здесь,* ближе ближнего.

И тогда я вспомнил старую суфийскую притчу о Мулле Насреддине, который въехал в город, возбужденно крича, что потерял своего осла, пока ему не указали, что он на самом деле сидит на нем.

Мысль была ясна: «Мы не можем *Это* видеть, так как *Этим* и являемся», и понимание этого было ошеломляющим. «Иллюзорный» – термин, который я использовал для описания моего сомнительного восприятия мира, – вдруг показался грандиозным преуменьшением. Все было не просто иллюзорным, все было стопроцентно наоборот! Я больше не находился во Вселенной; если уж на то пошло, теперь

Вселенная была во Мне, вместе с любой концепцией относительно моего предположительного «я», тела и ума. Я был, как сказал Хардинг, пространством, в котором возникал мир, пространством, которое активно участвовало в создании этого самого мира! Это было потрясающе!

Однако не терять это видение оказалось далеко не так просто. Как и все, я был обусловлен думать о себе как об отдельной личности с отдельным сознанием – осознание этого таинственным образом исходило из губчатого материала внутри моей головы. А Хардинг выявлял абсолютно противоположное и, как я теперь понимал, и многие другие, включая всех основателей великих религий. Но, как и их последователи, я был не в состоянии оставаться открытым; был не в силах помешать самому себе вернуться к тому ложному, чему меня обучали с детства. Казалось, я был в ловушке собственной головы.

Несомненно, началась борьба. Было ясно: я мог всю жизнь просидеть скрестив ноги, жить один в горной пещере в Тибете, практиковать учения всех традиций, – и все еще выходить из всего этого с ложной точкой зрения, все еще видеть себя в качестве отдельного субъекта, который видит объекты. Я хотел отбросить ложное и вернуться к истине, прямо сейчас. Но я постоянно забывался, и это было мучительно. Как осуществить этот переход?

Я так и не ответил на этот вопрос – разве что, решил я, и нет никакого перехода. Бороться – значит только усиливать это ложное понимание. Конечно же, буддийская идея о том, что нирвана и самсара – это Одно, содержит ключ к решению проблемы, но я хотел жить этим, а не просто знать об этом.

А однажды во время одной из наших буддийских встреч, которые время от времени проходили здесь в тюрьме, что-то произошло. В этой тюрьме тысяча пятьсот человек, а из них только девять назвались буддистами, и из них в тот раз пришли всего шестеро. Однако этого оказалось достаточно, чтобы произошло нечто волшебное.

После короткой медитации один из присутствующих начал дискуссию на тему, что значит *пустота,* выявив тем самым серьезную проблему. Последовали пререкания, которые, поскольку дело происходило в тюрьме, переросли в различные проявления авторитета и силы. Я подумал, что лучше вернуться к медитации, следить за дыханием, но остальные были не в настроении. Спор продолжался, и я уже подумывал уйти, как неожиданно вспомнил слова Хардинга о *пространстве,* которое находится *Здесь* и является *вместилищем* даже для споров; я также вспомнил его упражнения.

Эти упражнения удивительно простые и абсолютно радикальные. Я знаю, что они правильные именно благодаря своей простоте и радикальности, хотя когда я впервые столкнулся с ними в книгах Хардинга, я рассмеялся – они показались такими чудными. Но затем я понял, до меня, что называется, «дошло», что они в отличие от всего остального мира указывают в верном направлении.

Итак, я встал и начал ходячую медитацию вокруг нашего маленького круга из стульев, и все остальные, взглянув на меня, вскоре присоединились. Идея в том, чтобы прекратить болтовню и свести к минимуму мысли, фокусируясь на ощущениях в ногах при ходьбе. Но в тот раз я попросил всех забыть все, чему их учили, будто они только что родились в этой комнате и находили все новым и необычным. Я попросил их перевести свое внимание на *сейчас,* и *сейчас,* и *сейчас,* как будто прошлое и будущее были мыслями, которые думать не разрешалось. Я вспомнил описание Хардинга, как он ехал в машине, отмечая, что мимо проносятся телеграфные столбы, а сам он недвижим. И я попросил всех сделать то же самое, увидеть, что двигается ковер, а не они, наблюдать, как мимо проплывают стены и стулья, как по мере того, как они ходят по кругу, кружится комната.

Некоторые посмеивались, и через пару минут мы опять сели, и я попросил группу указать на потолок, обратить внимание на свою руку и на то, на что указывает палец, – в данном случае на потолочную плитку и лампы. Затем мы по порядку указывали на стену, на пол, на наши колени, на грудь, каждый раз замечая, что этот объект (наша рука) указывает на другие объекты, с их различными характеристиками. Но вот наконец мы указали на то, из чего мы смотрели, и я повторил вопросы Хардинга: «Если вы избавитесь от своего обусловливания, избавитесь от всего, чему вы когда-либо научились, и продолжите делать выводы только на основании свидетельства настоящего момента, то что же это такое, на что вы сейчас указываете? Матовый, круглый, отдельный и твердый предмет, подобный всем вещам *там*? Или вы указываете на *пространство* для этих вещей, на *вместилище*? И разве это *пространство* не безгранично, безупречно и полностью прозрачно? И разве это безграничное *вместилище* не включает всю комнату и все то, на что вы смотрели? Разве оно не пробужденное, и разве вы найдете пробужденность где-либо еще, кроме как *Здесь?»*

Никто не произнес ни слова. У нас не было зеркалец и картонок с отверстиями или бумажных пакетов для других упражнений. Но прежде чем все они набросились на меня, я подумал о том, как мы могли бы справиться с конфронтацией – с которой заключенные очень хорошо знакомы, – разбившись на пары и сев друг напротив друга. Для упражнения Хардинга «лицо к не-лицу» нужен обычный пакет из супермаркета с отрезанным дном, чтобы оба конца были открыты. Один партнер надевает один его конец на свое лицо, другой делает то же самое с оставшимся, и принято думать, что партнеры, встретившись лицом к лицу внутри пакета, противостоят друг другу. Это наш обычный способ взаимодействия с другими. Но вопросы Хардинга выявляют нечто совершенно иное: «Забыв обо всем, что вам говорили, и основываясь только на доказательствах, имеющихся в данный момент, ответьте, сколько лиц на самом

деле присутствует там? Вы находитесь лицом к лицу, или там – лицо, а *Здесь* – пространство? Вы противостоите этому человеку или являетесь Вместилищем для него? И разве не правда, что у вас *Здесь* нет ничего, ни самой малости, чем вы могли бы помешать другому человеку „войти“? Разве вы не безграничны, прозрачны, пусты на этом конце, и вместе с тем разве вы не наполнены человеком, что напротив вас? Так что в каком-то смысле вы на этом конце умерли и воскресли в лице того человека, находящегося на другом конце. Разве мы устроены не для того, чтобы умирать в пользу другого, и разве это не основа любви?»

Можете себе представить, какой реакции я ждал от своих товарищей-заключенных, однако они меня удивили. Я услышал: «Ух ты!» – и смех, и опять – «Ух ты!». Не знаю, насколько они что поняли, но что-то в той комнате произошло, пусть даже только со мной, или, я бы сказал, с *Пространством* на этом конце, с *вместилищем,* которое всегда *Здесь* и всегда наполнено тем, что находится *там.* Я вернулся с того собрания, зная с уверенностью, подтвержденной опытом, что Тот, Кто Я на самом деле, всегда доступен, всегда находится на расстоянии всего лишь одного упражнения.

Я возвращался в корпус, где находилась моя камера, наблюдая, как мимо проплывают тротуары, заборы и здания, тогда как Я оставался недвижимым, каким по сути был всегда. Мне нужно лишь указать пальцем, чтобы посмотреть на то, из чего я смотрю, и мне нужно лишь видеть лицо, чтобы знать, что конец всех противостояний находится *Здесь.* И уходя с того собрания, я понял еще кое-что: все, что проплывает мимо, есть не что иное, как То, Что Есть Я; удивительным образом я шел сквозь самого Себя, испытывая благоговейный трепет от каждого шага.

Поэтому я хочу поблагодарить Дугласа Хардинга. Я благодарен ему за его мудрость, которая, конечно, является и моей мудростью и мудростью всех, осознаем мы это или нет. Я благодарен за все, что меняется, проходит и появляется, и за все лица, в пользу которых я устроен исчезать. В том числе и за эту любопытную физиономию вон там, в зеркале.

Никого нет дома

Очевидно, что большинство из шести миллиардов людей на этой планете вовсе не испытывает любопытства относительно того, кем или чем они являются. Они приняли те характерные роли, которым обучились, и все. Мне кажется поразительным, что все, кроме мизерного процента мирового населения, живут глубоко укорененными в фундаментальной лжи и, более того, большинство будет до конца своих дней отстаивать эту ложь. Нам так комфортно или так страшно, что мы даже не хотим это исследовать?

Раньше, во времена моей преступной деятельности, я довольно часто летал самолетами, и мое место неизменно оказывалось рядом с человеком, который хотел знать, кто я такой по профессии. Обычно я слышал: «Ну… и чем вы занимаетесь?», или: «Командировка?», или иногда: «Из какой вы области?», как будто я только что вышел из головного офиса корпорации и направлялся на совещание по организации сбыта с моими коллегами из дочерней компании.

Но однажды, когда я летел в Лос-Анджелес, я сидел в первом классе рядом с мужчиной, который, как я заметил, был одет в непринужденном стиле – как и я; который носил дорогие часы – как и я; и от которого исходили эманации состоятельного человека «в свободном полете» – это уже не про меня. В то время я всем говорил, что был музыкальным агентом – профессия, о которой я ничего не знал, как, впрочем, и никто другой, – так что обычно меня оставляли в покое до конца полета. Должен заметить, что женщины редко интересовались моей профессией. Обычно, если они вообще заговаривали, то спрашивали, куда я лечу или где я живу. Больше всего я боялся оказаться рядом с любопытными типами в темных костюмах, собственно, из-за того, что они были похожи на полицейских и зачастую занимались подробными расспросами. Несмотря на коктейли перед ужином и вино во время оного, мой сосед не разговаривал в течение половины полета. Я был ему за это благодарен, посчитав, что избавлен от неприятностей, и пообещав себе чаще летать первым классом. Однако как только я откинулся в кресле и устроился, чтобы немного вздремнуть, он ни с того ни с сего спросил: «Ну, и чем вы занимаетесь?»

Я стал вешать ему на уши свою обычную лапшу про то, что я – музыкальный агент, сопровождая свой рассказ достаточно недружелюбной, как я надеялся, улыбкой. «Вот как!» – сказал он, потянулся за своей сумкой от «Гуччи» и вынул из нее блестящую визитку. На ней было его имя, а под ним – еще несколько имен очень крупных фигур шоу-бизнеса. Я сидел рядом с агентом музыкальных агентов! «И я тоже», – сказал он.

Оставшуюся часть полета я провел в туалете, сославшись на то, что мне плохо. Меня разоблачили! Я был никем – не мог же я признаться, что я преступник! Я не знал абсолютно ничего про музыкальный бизнес – как вообще-то и ни про один другой легальный бизнес. Если я был тем, чем занимался по жизни, тогда лучше уж быть никем.

Не знаю, как моя семья так долго все это терпела, переезжая каждые шесть-восемь месяцев, меняя имена, школы, штаты, страны… Во время моего ареста в рапорте говорилось, что за все эти годы я поменял 26 имен, для большинства из которых у меня были удостоверяющие личность документы, в том числе несколько паспортов. Я рассказываю об этом, потому что считаю, что это сыграло свою роль в том, что произошло со мной в дальнейшем. Моя сопротивляемость ослабла. Я так долго был никем, что, наверное, было легче отбросить идею о том, что я все же кем-то являюсь. Я нигде не прописывался, избегал своих постоянно меняющихся соседей, и у меня не было никаких общественных, политических или национальных связей; не было кредитных карточек, страховки, недвижимости, капиталовложений, не было даже банковского счета (свои наличные я закапывал). Для властей я в буквальном смысле не существовал, живя жизнью, насквозь пропитанной обманом.

Это что касается моего фиаско в области социальной адаптации. Однако передо мной все еще маячил вопрос, кто же я такой. Конечно, я был убежден в том, что я – человек, хотя и имеющий мало общего с другими людьми.

Итак, со своей слабой социальной адаптированностью, вкупе с тем, что я испытал под ЛСД в 1960-х гг., и с растущим любопытством относительно истинной природы вещей, я, видимо, оказался хорошим кандидатом на пробуждение. К сожалению, я неистово сопротивлялся, что было невероятно разрушительным для меня самого и для других. Мучимый страхом, я держался за то подобие контролирования, на которое только был способен.

После ареста, когда вместо имени у меня появился номер (еще одно доказательство того, что я никто), прошло несколько лет, прежде чем я начал поиск. Хотя я и использовал для этого интеллект и искал *там, вовне,* это был поиск модели того, кем или чем я являюсь, и откуда появилась эта штуковина под названием «Вселенная». Когда я набрел на Безголовый Путь и реально испытал на себе ту *Пустоту-Полно-ту,* о которой читал у столь многих мастеров различных направлений, я вспомнил тот случай в самолете и подумал, как бы все могло развернуться дальше, скажи я тогда правду. Не правду о моей преступной деятельности, а правду о моей настоящей *работе,* о том, чем я был на самом деле и чем на самом деле занимался в качестве Чистой Субъективности. Конечно, если бы я знал Себя тогда, столько лет назад, я мог бы и не оказаться в том самолете и не заниматься криминалом. Ирония в том, что Я *действительно* был никем. И никогда не был «кем-то». Если уж на то пошло, то Я есть и всегда был всеми (и всем).

Все эти ошибочные устремления, все это притворство, все эти уловки и прикрытия! И чего ради? Теперь я знаю, ради чего. Если бы ничего этого не произошло, включая ту боль, за которую только Я несу ответственность, то я все еще мог бы жить в фундаментальной лжи, упрямо играя присущую мне роль одного из шести миллиардов других людей и особо не интересуясь, кем или чем я являюсь.

Сейчас мне ясно, что когда я заблуждаюсь, то раз за разом получаю «Господни похлопывания по плечу» – это и есть моя жизнь. Заблуждение необходимо, чтобы однажды услышать призыв обернуться и посмотреть. И когда я все же оборачиваюсь, все заканчивается, заканчивается игра. Каждый удар – это дар, и дары эти бесконечны. И, что самое замечательное, каждый раз, когда я их принимаю, в качестве вознаграждения действительно получаю удивление и радость. Только Вселенная могла придумать такое! Как еще узнать Самого Себя, кроме как сначала позабыв?

Свет Того, что есть Я

Меня всегда привлекала аналогия со сновидением как наглядное объяснение этой моей так называемой жизни. Конечно, когда дело касается указания на мою истинную природу, ничто не заменит реального указывания и смотрения. Тем не менее аналогия со сновидением подтверждает то, что я вижу, когда *Вижу,* и помогает разорвать связь с крепко засевшими убеждениями.

Все выглядит примерно так: когда я вижу сон, то переживаю на опыте мир, который реален для меня во сне. В этом мире сновидения возникает множество явлений – дома, машины, люди, животные, горы, облака – в кажущемся бесконечным разнообразии сцен, многие из которых возникают беспорядочно. Однако некоторые включают в себя прошлое-в-сновидении и будущее-в-сновидении, не говоря уже о распространенных примерах невероятного рассуждения-в-сновидении (которому, однако, верят!). Я испытываю желание и страх, радость и грусть, гордость и чувство вины. Я вижу, слышу, обоняю, осязаю и различаю вкусы так же, как я бы это делал в бодрствующем состоянии. Однако когда я пробуждаюсь, я знаю, что это был всего лишь сон, – я знаю, что каждый предмет и каждое событие происходили только в моем уме, что каким-то образом я ночью создал удивительно правдоподобный мир времени и пространства, содержащий всякого рода явления. И я не имею ни малейшего понятия, как я это сделал.

Пожалуй, еще более удачная аналогия та, которую провел великий индийский мудрец Рамана Махарши. Когда его попросили описать природу реальности, он сравнил ее с кинофильмом. Я (Осознавание) подобно экрану, сказал он, а жизнь – это фильм. Мы смотрим фильм и считаем его реальным, однако когда он заканчивается, мы знаем, что это было всего лишь кино. Независимо от того, сколько мимо просвистело пуль, независимо от проблем, трагедий или драмы фильма, фон, на котором его показывали, остается незатронутым – на экране нет никаких дырок от пуль, никаких следов…

А вот что по этому поводу сказал покойный Вэй У Вэй: «сам фильм на самом деле состоит из ряда кадров, расположенных по порядку таким образом, что когда пленку быстро прокручивают через кинопроектор, появляющееся на экране движение принимается как непрерывное и „живое“. Это движение – причина всех иллюзий. Согласно этой аналогии, осознание, или То, Кто Я на самом деле, – это свет кинопроектора, а мир – отображение этого света на экране, и появляющаяся в результате этого история принимается за реальную. Более того, То, Чем Я являюсь, можно рассматривать и как кинопроектор, и как фильм, но только в смысле Великой Загадки, Бездны, из которой возникает свет Осознавания. Я понятия не имею, как я это делаю; не могу сказать, каким образом или почему существует Осознавание или как Оно осознает Себя, не говоря уже о том, как возникает мир, – он просто есть. И, естественно, нуждаясь в ответе, убежденный другими, я еще в раннем детстве научился считать себя личностью, одним из персонажей фильма, и соответственно решил, что могу делать что хочу, не осознавая, что как персонаж фильма я не в состоянии действовать по собственному усмотрению. Итак, к сожалению, я ошибочно считаю себя кем-то другим, являюсь иллюзорным персонажем в иллюзорном мире, который живет своей жизнью до тех пор, пока не закончится фильм.

Несомненно, из этих аналогий можно сделать множество разных выводов вдобавок к самому очевидному – тот, кем я себя считаю, не есть Тот, Кто Я на самом деле, и что то, что я считаю миром, вовсе не таково, каким кажется. Например, все три аналогии ставят под вопрос мое предположение о том, что время и пространство являются чем-то заданным, чем-то, в чем я нахожусь, и находятся *там, вовне,* в качестве моей Вселенной. Когда мне снится сон, трехмерный мир, который я переживаю на собственном опыте каждую ночь, на самом деле не имеет никаких измерений и проявляется *Здесь,* где я нахожусь. Точно так же я воспринимаю фильм в трех измерениях, тогда как на экране изображение двумерное. А что касается

света кинопроектора, то если только я не отвлекаюсь от драмы повествования, я его никогда не замечаю. И я также не замечаю, что на самом деле этот свет *вмещает* драму, *является* драмой, что он проявляется только в контакте с противостоящим экраном. Таким образом, я прихожу к выводу, что Осознавание и так называемый мир возникают вместе и в некотором смысле едины. В аналогии Махарши, экран (Осознавание) и фильм (мир) неразделимы. В аналогии Вэй У Вэя свет кинопроектора и фильм – одно и то же. Обе аналогии говорят мне, что Осознавание – это канва мира, что Осознавание и мир – Одно. И, тем не менее, парадоксальным образом они нуждаются друг в друге, чтобы осуществиться.

Все три аналогии также утверждают, что Осознавание, или Тот, Кто Я на самом деле, неизменно и непреходяще. Иллюзорное движение и иллюзорное течение времени неотъемлемая часть фильма, тогда как экран (или свет) недвижим и вечен.

Они также напоминают мне, что основа моей природы – состояние *незнания.* Как у действующего лица фильма у меня есть прошлое, и я в ожидании определенного будущего, но как экран или свет Я остаюсь в стороне от этих выдумок – Я просто присутствую для того, что проявляется. Точно так же с *незнанием* приходит и отсутствие воли. Экран может быть неотделим от фильма, но не может управлять событиями в фильме. Можно было бы сравнить кинопроектор и проходящий через него целлулоид с Божьей Волей. Однако для света Осознавания Бездна непознаваема, и Божья Воля появляется только как часть фильма – в качестве *того, что есть.*

Достаточно аналогий. Вопрос в том, достоверны ли они? Как опыт подтверждает метафору, и как метафора подтверждает опыт? Откуда я знаю, что все вышесказанное – не просто упражнение для ума? Я бился над этим вопросом долгие годы. Где-то внутри я знал, что появляющиеся ответы были достоверны – были проблески, мимолетные моменты Истины, – но мне нужны были доказательства, нечто конкретное.

Странно, но в моем первом опыте не было ничего яркого или завораживающего. Безусловно, я был удивлен, поражен тем, насколько это просто, изумлен значимостью всего этого, но лишь после того, как я повторял эти упражнения на протяжении нескольких месяцев, до меня начал доходить весь смысл этого. Не было никаких недель блаженства, не было никаких изменений в распорядке дня; были те же самые мысли, привязанности и страхи.

Но сейчас я мог *Видеть.* Конечно, я говорю об упражнениях Дугласа Хардинга на осознание. Эксперименты, которые он предлагал, казались детскими или вовсе идиотскими, но я попробовал их сделать. И вот – это было оно, яснее ясного – до меня сразу же дошло, во время упражнения с указыванием; я увидел, Кто Я на самом деле, во время эксперимента с картонками и с зеркалом, и от души посмеялся, рассматривая свои укороченные, перевернутые вверх тормашками ноги. Однако именно эксперимент с «Единственным глазом» принес, и продолжает приносить, поистине революционное видение.

Вот как это происходит: я держу перед собой очки (подойдут и солнечные очки, или можно изобразить очки руками). Дело в том, что я так долго сосредоточивался на других, что забыл свою истинную природу, и эксперимент с Единственным глазом возвращал этот фокус обратно *Сюда,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.